

В. И. Пефтиев

**Советские литераторы 1920-х гг. о классиках
(Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский)**

В статье «поколение» – ключевое понятие и феномен культурологии – рассматривается на экзистенциальном опыте трех неординарных литераторов Советской России 20-х гг.: Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, В. Б. Шкловского. То поколение еще не знало массовых репрессий, еще сохранялись неподвластные большевикам островки свободного творчества, еще маячили шансы на социальное продвижение. Но ему (поколению 20-х гг.) уже противостояли массовая культура и агрессивная экспансия литературных течений, разрывающих связь времен. Судьбы участников литературного «триумвирата» (творческий раритет), как и место в истории русской культуры, различны. Прослеживаются наиболее значимые изыскания Тынянова, Эйхенбаума, Шкловского о ранних произведениях А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, А. П. Чехова. В коллизии архаики и новаторства обнаружены истоки будущих шедевров русской литературы. Раскрыта заслуга литераторов 20-х гг. XX столетия в защите классики от нигилизма («детская болезнь» социалистического переустройства) без умаления достижений предшественников и соперников на ниве слова.

Ключевые слова: литературное поколение, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский.

V. I. Peftiyev

**The Soviet Writers of the 1920-s about Classics
(Yu. N. Tynyanov, B. M. Eikhenbaum, V. B. Shklovsky)**

In the article a key concept and phenomenon of culturology «generation» is considered on existential experience of three extraordinary writers of the Soviet Russia of the 20-s (Yu. N. Tynyanov, B. M. Eikhenbaum, V. B. Shklovsky). That generation didn't know mass repressions yet, there were some free islands of creativity not under control of the Bollsheviks, some chances of social advance were still in eyes. But it (the generation of the 20-s) was already resisted by mass culture and aggressive expansion of the literary trends breaking link of times. The destiny of everyone of the literary «triumvirate» (a creative rarity) was different as well as the place in the history of the Russian culture. Tynyanov, Eikhenbaum, Shklovsky's most significant researches about A. S. Pushkin, F. I. Tyutchev, A. P. Chekhov's early works are tracked. Sources of future masterpieces of the Russian literature were found in the collision of antiquity and innovation. The merits of the writers of the 20-s of the XX century in protection of classics against nihilism («a children's illness» of socialist reorganization) without derogation of achievements of predecessors and rivals in the word field is revealed.

Keywords: literary generation, A. S. Pushkin, F. I. Tyutchev, A. P. Chekhov, L. N. Tolstoy, Yu. N. Tynyanov, B. M. Eikhenbaum, V. B. Shklovsky.

История идет десятилетиями, а мы живем секундами. Каждую секунду надо пережить.

Б. М. Эйхенбаум. Запись
в дневнике от 11 июля 1947 г.

Культурология и смежные науки волнообразно, с паузами и со взлетами, обращаются к феномену «поколения». В нашей статье поколенческая тематика будет ключевой. Наиболее точно и емко его определил испанский философ и эссеист Хосе Ортега-и-Гассет, охарактеризовав как близость по возрасту (очевидное) и общность общественной среды существования и теснота общения (чаще всего в тени) [4]. За возрождение понятия «поколение» высказывались психолог И. Кон (1988) и театровед Т. С. Злотникова (1998)¹. Вне сомнения, эпоха во многом детерми-

нирует поведение поколения и личности. Как видно из дневниковой записи Б. М. Эйхенбаума, эпоха несопоставима с жизненным циклом отдельно взятого человека. Ему же принадлежат мудрые слова, высказанные в начале 20-х гг. по поводу поэзии Анны Ахматовой: «Десять лет – цифра сакральная. Именно столько история дарит каждому поколению. Поколение находится в “цепях истории”. Внезапно наступает миг сознания и возмездия: нужен ли я кому-нибудь?» [Цит. по: 8, с. 432]. Отсюда и печальная судьба даровитых неудачников, тяготы забвения, сомнения в собственном таланте, пожирающие душу и тело. Но случается и другое, случайное, не закономерное: одна эпоха, одно поколение, но разное место в истории, неоднозначная оценка современников и потомков. Все эти лабиринты и коллизии жиз-

ни испытали на себе неординарные литераторы 20-х гг. Советской России (Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский). То десятилетие еще не знало массовых репрессий, еще сохранялись неподвластные большевикам островки творчества, еще маячили шансы на социальное продвижение. Но ему уже противостояли массовая культура и агрессивная экспансия литературных течений, разрывающих связь времен (В. В. Маяковский, РАПП, другие оппоненты). Соучастие в создании ОПОЯЗа² не гарантировало его возрождения в конце 20-х гг.; конфликты и трения не единожды омрачали взаимную дружбу. Наследие этого «триумвирата» обширно; нами избраны малые тропинки к их творчеству – наблюдения и размышления о классиках русской литературы.

Юрий Николаевич Тынянов (1894–1943). Мастер исторического романа «Кюхля» (1925), «Смерть Вазир-Мухтара» (1927–1928). Литературовед. Сторонник формального метода. Теоретическая работа «Архаисты и новаторы» (1929) [3, с. 1575]. Современники и аналитики заслуженно воспринимали его в трех ипостасях: как писателя-беллетриста, историка литературы, теоретика. Его тревожили проблемы забвения и славы, гладкого успеха и плодотворной неудачи. Он умел в литературных произведениях видеть ускользающий от потомков процесс творчества, ценить слово, его смысловые сгустки, давать словесный портрет человека. Ю. Н. Тынянов ввел в литературную практику прием скрытого цитирования [2]. Он продолжил традицию мастерской фиксации мгновения, идущую от И. С. Тургенева к В. В. Розанову. (Из наблюдений А. С. Немзера над романом Ю. Тынянова «Пушкин» [6, с. 340])

Труд «Архаисты и новаторы» истинно нетривиален и конструктивно полемичен. Он являет собой знаменательную веху в творческой биографии Тынянова и переосмысление творчества А. С. Пушкина 20-х гг. XIX столетия. К нему примыкают и другие статьи, в том числе очерк о Ф. И. Тютчеве (1923, 1926). В этом же цикле дается оценка А. С. Пушкиным французской поэзии. В научный оборот вовлечены творения тогдашних знаменитостей (Ф. Н. Глинка, кружок Раича, окружение Пушкина в «литературной газете»). Нельзя сбрасывать со счетов и пристрастность высказываний друг о друге той эпохи. Тем не менее, многое (но не все. – В. П.), естественно, актуально и сегодня как непреложные критерии в историографии русской литературы.

Во-первых, вывод Тынянова о том, что ранний Пушкин – это не наше все. Тогдашний Пушкин не мог не следовать в своих одах традиции Державина и Жуковского. И аналитики XX в. (например, Дм. Сегал) задают крамольный вопрос: «Так ли уж хороши на самом деле ранние стихи Пушкина?» Ответ откровенный – отнюдь нет, это не памятник, а живые существа [7, с. 135].

Во-вторых, миф о плеяде поэтов вокруг Пушкина (И. Аксаков) не подтверждается точными фактами литературной жизни того времени. В 20-е гг. XIX в. все поэты (а их множество. – В. П.) были мастерами-одиночками. Десятилетие сложное и разветвленное, с тайной и явной борьбой между различными литературными течениями. И лишь в начале 30-х гг. имело место размежевание и возвышение Пушкина [6, с. 190, 196–197].

В-третьих, Пушкин критически воспринимал поэзию Ламартина: поэт, мол, вялый, односторонний, лжеромантик. Иначе воспринимали ее собратья по перу (Ф. Н. Глинка, П. А. Плетнев, редактор журнала «Современник» и др.). Ламартин нравился тогдашнему поколению читателей не только новыми горизонтами («Восточные мотивы») и поэтическими размышлениями, но и тем, что его стихи поражали ум, пленяли сердце, оживляли воображение [7, с. 193–194]. Парадокс для пытливых умов и загадка для психологов и социологов.

В-четвертых, при содействии многих поэтов первые стихи Ф. И. Тютчева удостоились публикации (1826–1827 гг.). А. С. Пушкин воспринял их холодно, вскользь и бегло, вопреки благожелательным отзывам Вяземского и Жуковского. Ю. Н. Тынянов объяснял эту реакцию тем, что Пушкина интересовала статья Раича, а не стихи как таковые, безотносительно к авторству. Позднее в «Современнике» были опубликованы и другие стихи Ф. И. Тютчева (1836). Важна и оговорка Ю. Н. Тынянова: печатание – это еще не признание. Оно приходит позднее, а то и никогда [7, с. 202, 203].

В-пятых, школа ОПОЯЗа и ее технологии анализа поэзии позволяли отделять подражания от новаторства. Главное в поэзии – звучание, окраска слова, образы предметов. И в очерке о Тютчеве Ю. Н. Тынянов обнаруживает сходство со стилем поэзии Гейне [7, с. 374–378]. Достижения ОПОЯЗа нашли продолжение в изысканиях Р. Якобсона (США) и образуют стержень современного лингвистического поворота в гуманитарных науках.

Итак, в 20-е гг. XX в. имела место кристаллизация литературной концепции Ю. Н. Тынянова, обозначились контуры его вклада в литературоведение. Что касается пушкинианы в его творчестве, то ему удалось, с одной стороны, подтвердить гений Пушкина в зрелые годы, с другой – не умалить без нужды заслуги его соперников, коллег по поэтическому вдохновению и мастерству. Образец похвального, взвешенного, исторически конкретного похода к изучению сочинений мастеров слова!..

Борис Михайлович Эйхенбаум (1886–1959). Советский энциклопедический словарь (1989) представил его так: литературовед; интерес к проблемам поэтики, литературной борьбе (ранние работы о М. Ю. Лермонтове и Н. В. Гоголе) сочетается с философско-историческим и социальным анализом (труды о Л. Н. Толстом) [5, с. 1555]. К столетию со дня рождения во вступительной статье Г. Бялого при участии дочери – составителя сборника статей приведены дополнительные сведения. Первая публикация появилась в 1907 г., но систематическое изучение истории литературы относится к 1916 г. Ранее мы упоминали очерк об Анне Ахматовой. В 20-е гг. осуществляет новаторский эксперимент – полное устранение личности писателя из проблемного поля исследования. Главное в литературоведении, по замыслу тех лет, уловить ход истории, ее законы и требования. Отход от формализма в анализе с 1928 г. Кредо Эйхенбаума: писание – это сложный процесс, полный драматического напряжения, борьба писателя с самим собой, с современниками и единомышленниками, иной раз – с близкими людьми [10, с. 9]. Смелое, показательное и исчерпывающее признание, делающее ему честь, по строгому гамбургскому счету.

Юбилейный сборник открывается статьей о пути Пушкина к прозе (1923). В ней отмечается, что своеобразие русской литературы XVIII в. состоит в организации стихосложения, а ода характеризуется как высший жанр. Оде присущ витиеватый стиль, декламация господствует над сказом, ценится красноречие. Проза же относится к низшему роду занятий. В больших словесных массах еще отсутствуют интимный и эмоциональный язык, оттенки разговорного синтаксиса, игра мелкими смысловыми узорами. Этот мощный фундамент с приходом в поэзию Пушкина расшатывается. В письмах Вяземскому (1824) и Липранди (1825) Пушкин ищет новые стихотворные размеры, в частности, гекзаметр (шестистопный)³; обнаруживает коллизии между стихом и повествованием [10, с. 29, 32]. Иными

словами, предшественники А. С. Пушкина (И. И. Дмитриев, Н. М. Карамзин) пробили невосполнимую брешь в языке Ломоносова и Сумарокова, а великий российский поэт завершил становление литературного языка в поэзии и прозе [10, с. 36–42].

Широкая панорама изысканий Б. М. Эйхенбаума подтверждается этюдом о А. П. Чехове (1944). Наследие А. П. Чехова опровергает устоявшееся заблуждение о 80-х гг. XIX в. как десятилетии литературного оскудения и упадка. У него свои учителя и предшественники – он не из рядов большой (дворянской) интеллигенции и пришел в литературу со стороны (разночинцев). Он испытывал недружелюбие и раздражительность к бездельникам, невеждам и болтунам. Ему принадлежит приоритет в открытии заброшенной литераторами жизни – мелочей и случаев. Они лишь кажутся незначительными, смешными или странными. На самом деле речь идет не о хаотичном наборе фактов, а о прозе жизни во всех ее проявлениях. А. П. Чехов застал Россию накануне исторического кризиса, который он как врач диагностировал, но не предлагал рецептов лечения. Он придерживался скромности и ненавязчивости в самооценке, но осознавал себя новатором в литературе. Его кредо – быть художником жизни. А. П. Чехов в прозе предпочитает короткие фразы, а в пьесах – сценические ремарки. Состояние героев обнажает через их действия, а не фразы. По примеру Н. М. Пржевальского (1839–1888) совершил замечательный поступок – поездку на о. Сахалин. Этюд о Чехове завершается образной фразой: «А. П. Чехов – человек с молоточком. Он стучал в самое сердце России – и достучался» [10, с. 224, 226–227, 231–236]. Жизнь и творчество Б. М. Эйхенбаума ждут новых поколений исследователей, а также отдельной биографии в цикле «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ).

Виктор Борисович Шкловский (1893–1984). Долгожитель, со множеством зигзагов в жизни и творчестве. Добился общественного признания и в постсоветской энциклопедии. Упомянуты основные произведения 20-х гг.: «Зоо. Письма не о любви, или третья Элоиза» (1923), «Гамбургский счет» (1928), «Сентиментальное путешествие» (1929). Автор книг об Л. Н. Толстом, Ф. М. Достоевском, В. В. Маяковском, историко-художественной повести, мемуаров, эссе [3, с. 1507]. Ему посвящена монография Владимира Березина в серии «ЖЗЛ» [1]. Оставил о себе противоречивые впечатления. Одни считали, что он не на своем месте (В. Березин, почитатель его

разнообразных талантов). Борис Эйхенбаум в кратком, но точном этюде (1933) выделил самое существенное в бывшем друге: «В наше строгое, скучное время его назовут, пожалуй, властителем фразы (не властителем дум)». Не похож на традиционного писателя-интеллигента. О нем даже затруднительно сказать – беллетрист ли он, ученый ли, журналист или что-нибудь иное. Узнаваем. Литература у него в крови» [11, с. 129–130]. Оставляем без комментариев оба отзыва; они красноречивы, хотя и принадлежат к представителям разных поколений.

Сочинения Шкловского 20-х гг. многослойны, поучительны; они вызывают неоднозначные толкования, особенно «Зоо...»⁴. Но они выходят за границы нашего повествования о классиках, поэтому вынуждены обратиться к поздним заметкам В. Б. Шкловского об А. П. Чехове [9, с. 413–459]. В обзоре повестей, рассказов, писем Чехова 80-х гг. вскользь, как бы мимоходом высвечивается восприятие советского критика А. П. Чехов, мол, явный пессимист: «Все якобы меняется к плохому» (рассказ «Свирель», 1887 г.). Ссылка на фразу из письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 7 января 1889 г.: «Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают молодостью». Отмечается, что Чехов охотно пародировал исторические романы, драмы В. Гюго, фантазии Жюль Верна [9, с. 413–415]. Мастерство Чехова в смысловых деталях контрастировало с повседневностью, необычной простотой выдумки, отсутствием традиционной последовательности событий. Подобная аномалия вызывала недовольство читателей конца XIX в. [9, с. 425, 436]. Поведение героя «Скучной истории» В. Шкловский расценивает как «вливание перед самим собой». В творчестве А. П. Чехова 80-х гг. почти повсеместно разлито тревожное воображение [9, с. 456]. В приведенных извлечениях из Чехова все верно, но цельного портрета не получилось. Вина эпохи, беда критика?

Редуют ряды литературоведов, изучающих литературу советского периода, особенно ее начального этапа – 20-е гг. Отрадное исключение – критические этюды М. О. Чудаковой [8]. В них имеются аллюзии на сочинения триумvirата или сюжеты относительно литературной судьбы российских классиков. Так, М. О. Чудакова вспоминает статью-фельетон Б. Эйхенбаума «О Шатобриане, о червонцах и русской литературе» (1924), где обыгрывается страсть к переводам зарубежных писателей [9, с. 369]. В «Заметке о поколениях» россыпь пронзительных наблюдений на тему «отцы и дети». Бывшие люди и сыновья без отцов. Зрелое поколение 1890-х гг. по-

сле Октября раскололось: одни уехали в эмиграции, другие остались, с последними проводился социальный эксперимент. Социально-политические катаклизмы породили незамеченное поколение, которое отрекалось от родословной; их заставляли забыть имена, события, лица участников, свидетелей, очевидцев дореволюционной России. И М. О. Чудакова заключает: язык среднего обывателя 1913 г. и язык современного комсомольца – это два разных языка, без диалектической эволюции [9, с. 377–379]. И далее М. О. Чудакова вразумительно объясняет потомкам, почему официальная критика отвергала без дискуссии взгляды и изыскания Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума 20-х гг. Подвергнутые остракизму на десятилетия старались, по признаниям В. Шкловского и Б. Эйхенбаума, жить мимо большевиков, которые признавали лишь прикладное искусство [9, с. 421, 425]. Такое своеволие в партийно-литературных кругах считалось непозволительной роскошью и пресекалось «на корню». К гласным и негласным табу при Советской власти адаптировался лишь Виктор Шкловский, и то не без колебаний. Позднее он приобретает статус несравненного дегустатора и научной мысли, и литературы. Эта особенность личности В. Шкловского была известна его собеседникам и слушателям [9, с. 452].

М. О. Чудакова вводила в научный оборот и частые письма друг к другу в надежде возродить ОПОЯЗ (1925–1928 гг.). Так, в письме Б. Эйхенбаума В. Шкловскому от 25 июля 1925 г. выясняется интенсивное чтение первым Ч. В «Былого и Дум» А. И. Герцена. Сопоставляя ошибки якобинцев (1792 г.) и революционеров 1848 г., Б. Эйхенбаум призывает друга поразмыслить над выводом Герцена: для убеждения масс – после взятия власти – недостаточно правоты, а необходимо еще и мозговое равенство [9, с. 436]. Здесь, видимо, слышен отголосок скрытой полемики внутри ОПОЯЗа и ненавязчивое обвинение в адрес большевиков. Друзья обсуждали и версию Б. Эйхенбаума относительно первоначального толчка к рождению замысла Л. Н. Толстого написать эпопею о войне 1812 г. – ознакомление с трудом П.-Ж. Прудона «Война и мир» [9, с. 447]. Такая ересь подлежала немедленному осуждению как несовместимая с оценками К. Маркса и В. И. Ленина. Тернистый путь Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума продолжился и в последующие десятилетия, до ухода из жизни.

Завершаем краткую презентацию литературного триумvirата с аббревиатурой ТЭШ. В турбулентные 20-е гг. XX столетия вместе и каждый

в отдельности защищали от нигилизма ранние произведения тех, чье наследие выдержало испытание временем и кого общественное мнение назвало классиками (А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, А. П. Чехов). В противостоянии архаики и новаторства ТЭШ увидели истоки будущих шедевров русской литературы. Творческий союз ТЭШ сам по себе является феноменом-раритетом, который, полагаем, должен привлечь внимание ученых социогуманитарной ориентации (историков, психологов, социологов, культурологов, лингвистов). Настало время для скрупулезного изучения как личной переписки, документов и рукописей, так и реакции читателей и литераторов на публикации и выступления ТЭШ в контексте сложной, во многом даже хаотичной ситуации на ниве литературы в первое десятилетие Советской власти.

Библиографический список

1. Березин, В. Виктор Шкловский [Текст] / В. Березин. – М. : ЖЗЛ, 2014. – 490 с.
2. Воспоминания о Юрии Тынянове. Портреты и встречи [Текст]. – М. : Советский писатель, 1983. – 312 с.
3. Новый энциклопедический словарь [Текст]. – М. : РИПОЛ классик, 2012. – 1568 с.
4. Ортега-и-Гассет, Хосе Избранные труды [Текст] / пер. с исп.: Хосе Ортега-и-Гассет; пред. и отв. ред. А. М. Руткевича. – М. : Весь мир, 2000. – 704 с.
5. Советский энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А. И. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Сов.энцикл., 1989. – 1632 с.
6. Тыняновский сборник. Вып. 11 [Текст]. – М. : ОГИ, 2002. – 992 с.
7. Тынянов, Ю. Н. История литературы. Критика [Текст] / Ю. Н. Тынянов. – СПб. : Азбука-классика, 2001. – 512 с.
8. Чудакова, М. О. Литература советского времени [Текст] / М. О. Чудакова. – М. : Языки рус. культ., 2001. – 472 с.
9. Шкловский, В. Заметки о прозе русских классиков [Текст] / В. Шкловский. – М. : Сов. пис., изд. 2-е, испр. и доп., 1955. – 468 с.
10. Эйхенбаум, Б. О прозе. О поэзии [Текст] : сб. ст. / Б. Эйхенбаум. – М. : Худ. лит., 1986. – 456 с.
11. Эйхенбаум, Б. Мой временник. Маршрут в бессмертие [Текст] / Б. Эйхенбаум. – М. : Аграф, 2001. – 384 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Berezin, V. Viktor Shklovskij [Tekst] / V. Berezin. – M. : ZhZL, 2014. – 490 s.
2. Vospominaniya o Jurii Tynjanove. Portrety i vstrechi [Tekst]. – M. : Sovetskij pisatel', 1983. – 312 s.

3. Novyj jenciklopedicheskij slovar' [Tekst]. – M. : RIPOL klassik, 2012. – 1568 s.
4. Ortega-i-Gasset, Jose Izbrannye trudy [Tekst] / per. s isp.: Jose Ortega-i-Gasset; pred. i отв. red. A. M. Rutkevicha. – M. : Ves' mir, 2000. – 704 s.
5. Sovetskij jenciklopedicheskij slovar' [Tekst] / gl. red. A. I. Prohorov. – 4-e izd. – M. : Sov.jencikl., 1989. – 1632 s.
6. Tynjanovskij sbornik. Vyp. 11 [Tekst]. – M. : OGI, 2002. – 992 s.
7. Tynjanov, Ju. N. Istorija literatury. Kritika [Tekst] / Ju. N. Tynjanov. – SPb. : Azbuka-klassika, 2001. – 512 s.
8. Chudakova, M. O. Literatura sovetskogo vremeni [Tekst] / M. O. Chudakova. – M. : Jazyki rus. kul't., 2001. – 472 s.
9. Shklovskij, V. Zametki o proze russkih klassikov [Tekst] / V. Shklovskij. – M. : Sov. pis., izd. 2-e, ispr. i dop., 1955. – 468 s.
10. Jejenbaum, B. O proze. O poezii [Tekst] : sb. st. / B. Jejenbaum. – M. : Hud. lit., 1986. – 456 s.
11. Jejenbaum, B. Moj vremennik. Marshrut v bessmertie [Tekst] / B. Jejenbaum. – M. : Agraf, 2001. – 384 s.

¹ И. Кон идентификацию поколения связывает с духовной общностью, близостью жизненных идеалов, с сопереживаниями детства и юношества. См.: Кон, И. Ребенок и общество. – М., 1988. – С. 102. Т. С. Злотникова в монографии «Публичное одиночество» раскрывает нам творческий подвиг поколения режиссеров и актеров с начала 60-х и до конца 80-х годов. См.: Злотникова, Т. С. Публичное одиночество (Творческие личности в русском театре второй половины XX века: актер и режиссер). – Ярославль : ЯГПУ, 1998. – 235 с.

² ОПОЯЗ – Общество изучения теории поэтического языка (Москва и Петроград, 1914–1923 гг.). Общее название творческих союзов российских лингвистов и литературоведов, выступавших за привлечение инструментов языкознания (молодой тогда науки о языке) к раскрытию содержания поэтических произведений. Наиболее известные представители: Е. Д. Поливанов, Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский (идеолог ОПОЯЗа), Б. М. Эйхенбаум, Р. О. Якобсон, Л. П. Якубинский и др. За 1916–1923 гг. издано 6 сборников. См.: [3, с. 953].

³ Гекзаметр – от античного стихосложения. В русскую поэзию введен В. К. Тредиаковским (1703–1768) и затем переводчиком «Иллиады» (Н. М. Гнедич (1784–1833), перевод опубликован в 1829 г.) и «Одиссеи» (В. А. Жуковский, 1783–1852). Примеры из поэзии А. С. Пушкина: «Чистый лоснится пол»; «Стеклянные чаши блистают». См.: [3, с. 302.]

⁴ О «Зоо...» В. Шкловского высказывались многие критики. Так, Питер Стайнер в статье о трактовке иронии в этом сочинении В. Шкловского различает три пласта наблюдений: 1) любовная переписка (с Эльзой Триоле); 2) роман о Берлине начала 20-х годов; 3) заявления человека, проигравшего в политической борьбе. См.: Новое литературное обозрение. – 2015. – № 3.